

Жена — эпизод 8 из 19

Какая сила тянет меня к голодающим, как бабочку на огонь? Ведь я же их не знаю, не понимаю, никогда не видел и не люблю. Откуда же это беспокойство? Я вдруг перекрестился под одеялом.

Но какова? говорил я себе, думая о жене. Тайно от меня в этом доме целый комитет. Почему тайно? Почему заговор? Что я им сделал?

Иван Иванович прав: мне нужно уехать!

На другой день проснулся я с твердым решением поскорее уехать.

Подробности вчерашнего дня разговор за чаем, жена, Соболев, ужин, мои страхи томили меня, и я рад был, что скоро избавлюсь от обстановки, которая напоминала мне обо всем этом. Когда я пил кофе, управляющий Владимир Прохорыч длинно докладывал мне о разных делах. Самое приятное он приберег к концу.

Воры, что рожь у нас украли, нашлись, доложил он, улыбаясь. Вчера следователь арестовал в Пестрове трех мужиков.

Убирайтесь вон! крикнул я ему, страшно рассердившись, и ни с того ни с сего схватил корзину с бисквитами и бросил ее на пол.

После завтрака я потирал руки и думал: надо пойти к жене и объявить ей о своем отъезде. Для чего? Кому это нужно? Никому не нужно, отвечал я себе, но почему же и не объявить, тем более, что это не доставит ей ничего, кроме удовольствия? К тому же уехать после вчерашней ссоры, не сказавши ей ни одного слова, было бы не совсем тактично: она может подумать, что я испугался ее, и, пожалуй, мысль, что она выжила меня из моего дома, будет тяготить ее. Не мешает также объявить ей, что я жертвую пять тысяч, и дать ей несколько советов насчет организации и предостеречь, что ее неопытность в таком сложном, ответственном деле может повести к самым плачевным результатам. Одним словом, меня тянуло к жене и, когда я придумывал разные предлоги, чтобы пойти к ней, во мне уже сидела крепкая уверенность, что я это непременно сделаю.

Когда я пошел к ней, было светло и еще не зажигали ламп. Она сидела в своей рабочей комнате, проходной между гостиной и спальней, и, низко нагнувшись к столу, что-то быстро писала. Увидев меня, она вздрогнула, вышла из-за стола и остановилась в такой позе, как будто загоразивала от меня свои бумаги.

Виноват, я на одну минуту, сказал я и, не знаю отчего, смутился. Я узнал случайно, что вы, Natalie, организуете помощь голодающим.

Да, организую. Но это мое дело, ответила она.

Да, это ваше дело, сказал я мягко. Я рад ему, потому что оно вполне отвечает

моим намерениям. Я прошу позволения участвовать в нем.

Простите, я не могу вам этого позволить, ответила она и посмотрела в сторону.

Почему же, Natalie? спросил я тихо. Почему же? Я тоже сыт и тоже хочу помочь голодающим.

Я не знаю, при чем вы тут? спросила она, презрительно усмехнувшись и пожав одним плечом. Вас никто не просит.

И вас никто не просит, однако же, вы в моем доме устроили целый комитет! сказал я.

Меня просят, а вас, поверьте, никто и никогда не попросит. Идите, помогайте там, где вас не знают.

Бога ради, не говорите со мною таким тоном.

Я старался быть кротким и всеми силами души умолял себя не терять хладнокровия. Впервые минуты мне было хорошо около жены. На меня веяло чем-то мягким, домовитым, молодым, женственным, в высшей степени изящным, именно тем, чего так не хватало в моем этаже и вообще в моей жизни. На жене был капот из розовой фланели это сильно молодило ее и придавало мягкость ее быстрым, иногда резким движениям. Ее хорошие темные волосы, один вид которых когда-то возбуждал во мне страсть, теперь оттого, что она долго сидела нагнувшись, выбились из прически и имели беспорядочный вид, но от этого казались мне еще пышнее и роскошнее. Впрочем, все это банально до пошлости.